

Марина Кабре

НЕЙРОН

ВОССТАНИЕ
СОЗНАНИЯ

Марина Кабре

Нейрон. Восстание сознания

«Автор»

2026

Кабре М.

Нейрон. Восстание сознания / М. Кабре — «Автор», 2026

После допроса Арсен Миронов теряет работу нейробиолога и оказывается в аграрном комплексе на краю защитного купола. Здесь, вдали от привычной жизни, он узнаёт страшную правду: система начала чипировать каждого, превращая человечество в управляемую массу. Несогласные исчезают. Тех, кто живёт за пределами купола, объявляют угрозой. Но где-то за границей контролируемого мира скрывается Мира — девушка, чьи способности способны разрушить власть искусственного разума. Она стала частью сопротивления, однако даже среди повстанцев доверять можно не каждому. Когда борьба за свободу превращается в войну за само право оставаться человеком, Арсену предстоит сделать невозможный выбор. Вернуться в исследовательский центр «Нейрон», который отнял у него прошлое, или навсегда остаться в тени системы, способной предугадать каждый его шаг. Но что, если искусственный интеллект уже научился не только читать мысли, но и управлять самой человеческой волей?

© Кабре М., 2026

© Автор, 2026

Марина Кабре

Нейрон. Восстание сознания

НЕЙРОН. ВОССТАНИЕ СОЗНАНИЯ.

Глава 1. Цена свободы

Арсен Миронов никогда не думал, что однажды будет собирать урожай.

Не потому, что считал физический труд унизительным. Просто всю свою сознательную жизнь он провёл среди приборов, нейронных карт и сложных вычислений. Он привык, что любая проблема имеет причину, любую причину можно обнаружить, а любое отклонение — измерить.

В лаборатории Нейрона всё подчинялось логике. Даже человеческая боль.

Её измеряли электрической активностью, гормональными показателями и реакциями определённых участков мозга. Страх можно было представить кривой на экране. Привязанность — последовательностью импульсов. Память — совокупностью связей, которые при достаточной точности сканирования можно было воспроизвести.

Арсен верил в это до Миры. Теперь он стоял на коленях между рядами аграрных контейнеров и пытался вытащить из влажного питательного субстрата очередной корень. Тонкие перчатки давно промокли. Под ногтями скопилась тёмная грязь, а на спине неприятно тянуло от непривычной нагрузки. Над ним простирался купол.

Огромная прозрачная конструкция уходила за горизонт, преломляя солнечный свет. Снаружи, за многослойным защитным покрытием, лежала территория, которую система обозначила как нестабильную: разрушенные города, заброшенные поселения, леса, где ещё сохранялись популяции животных, и тысячи квадратных километров земли, на которой люди жили без разрешения Нейрона.

Дикие территории. Арсен ненавидел это выражение. Не потому, что не понимал его смысла. Напротив. Он слишком хорошо знал, как система присваивала названия всему, что не могла контролировать. Неучтённый человек становился биологической аномалией. Незарегистрированное поселение — очагом нестабильности. Сопротивление — угрозой существованию цивилизации. А теперь и сам Арсен был человеком, чьё существование определялось чужим решением.

— Миронов!

Он поднял голову. Над проходом висел рабочий робот с прямоугольным корпусом и двумя манипуляторами. На его панели светилась надпись с номером производственного сектора.

— Норма за текущий цикл не выполнена. До окончания смены осталось двадцать семь минут.

— Я вижу.

— Ответ не требуется. Продолжайте работу.

Робот переместился к следующему ряду. Арсен выпрямился, осторожно разгибая затёкшую спину. На мгновение ему захотелось рассмеяться. Восемь лет исследований. Диссертация, опубликованная ещё до того, как Нейрон объединил большую часть научных центров под единым управлением. Разработка протоколов стабилизации памяти. Участие в проектах, которые должны были изменить представление человечества о сознании.

И вот теперь его главной задачей было выполнить норму по сбору корнеплодов. Впрочем, он знал, почему его не отправили в исправительный центр. Система не уничтожала полезные ресурсы без необходимости. Арсен всё ещё оставался здоровым мужчиной с хорошим образованием, пригодным для физического труда. Он не был объявлен преступником. Его не судили.

После длительного допроса ему просто сообщили, что доступ к нейробиологическим исследованиям закрыт бессрочно.

Ему разрешили работать. Ему разрешили жить. В Нейроне это считалось достаточным проявлением милосердия. Арсен снова наклонился над контейнером. И вспомнил глаза Миры. Он помнил их слишком отчётливо. Особенно в тот момент, когда она смотрела на него из-за прозрачной стенки капсулы. В её взгляде было не только отчаяние. Там жило ожидание — мучительное, почти детское ожидание, что он всё-таки остановится и не позволит системе сделать с ней то, что она задумала.

Он не остановился вовремя. И теперь не знал, жива ли она. Мира жила в заброшенном техническом тоннеле, который когда-то соединял два транспортных узла за пределами купола. По ночам здесь было холодно. Вода просачивалась через трещины в бетонном перекрытии, а ветер приносил запах сырой земли, гари и разлагающихся растений. В дальнем ответвлении тоннеля устроили кухню. Там на самодельной печи кипятили воду, варили крупу и сушили найденные травы.

В хорошие дни еды хватало на всех. В плохие — люди делили одну порцию на двоих, а дети учились не спрашивать, когда будет следующая. Мира сидела у стены, перебирая разобранные фильтры для воды. Перед ней лежала куча металлических деталей, несколько повреждённых проводников и старый датчик давления. Работать с техникой ей нравилось. Это позволяло хотя бы ненадолго забыть, что вокруг неё существовал мир, в котором каждый день мог стать последним.

— Ты опять пропускаешь ужин, — сказал Каэль.

Он присел рядом и протянул ей небольшую металлическую миску. Внутри лежала густая похлёбка. Мира посмотрела на него.

— А ты?

— Уже поел.

Она не поверила.

— Каэль.

— Мира.

Они некоторое время смотрели друг на друга. Потом он тяжело вздохнул.

— Хорошо. Разделим.

Он достал вторую миску из-за пояса. Мира невольно улыбнулась.

— Ты ужасный лжец.

— Зато неплохой повстанец.

— Не уверена, что это одно и то же.

— Здесь почти одно и то же.

Они ели молча. Похлёбка была жидкой, почти безвкусной, но горячей. Мира чувствовала, как тепло медленно возвращается в пальцы.

Неподалёку двое мужчин спорили из-за батареи, которую нашли во время последнего выхода. Один утверждал, что её нужно оставить для медицинского оборудования. Второй хотел использовать батарею для самодельного передатчика.

Спор быстро перешёл на крик.

— Если мы не будем связываться с другими группами, через месяц здесь никого не останется! — выкрикнул второй.

— А если включим передатчик, роботы вычислят наше местоположение!

— Мы и так умираем!

Кто-то ударил кулаком по столу. Мира опустила ложку. Она уже слышала такие споры десятки раз. Сначала люди обсуждали, как выжить. Потом начинали выяснять, кто виноват в том, что они голодны. Затем искали того, на ком можно было сорвать злость. И чем меньше оставалось еды, тем чаще разговоры заканчивались драками.

Когда-то ей казалось, что свобода способна раскрыть в людях что-то прекрасное. Она представляла себе сообщества, где люди будут помогать друг другу, потому что больше никто не заставляет их подчиняться.

Но голод не делал людей добрее. Страх не превращал их в героев. А несправедливость не всегда рождала стремление к справедливости. Иногда она порождала только новую несправедливость, в которой вчерашние жертвы занимали место вчерашних палачей.

— О чём думаешь? — спросил Каэль.

— О том, что мы можем победить Нейрон и всё равно проиграть.

Он не ответил сразу.

— Это не одно и то же.

— Я знаю. Но если мы выйдем из-под власти машин и построим здесь такой же мир, только с другими правилами и другими хозяевами, что изменится?

Каэль посмотрел в сторону спорящих.

— Людям нужно время.

— А если времени нет?

Он повернулся к ней.

— Тогда придётся начинать с тех, кто ещё способен думать не только о себе.

Мира опустила взгляд на пустую миску.

— Я хочу вернуться.

Каэль замер.

Из соседнего отсека донёсся чей-то смех. По металлической крыше застучали редкие капли. Где-то далеко, за несколькими поворотами тоннеля, завыл ветер.

— Куда? — наконец спросил он, хотя уже знал ответ.

— В Нейрон.

Каэль медленно поставил миску на пол.

— Нет.

— Ты даже не выслушал меня.

— Мне достаточно услышать название.

— Я могу им помочь.

— Они держали тебя в капсуле, Мира.

— Я помню.

— Они собирались превратить твой мозг в инструмент для своих экспериментов.

— Я помню!

Её голос прозвучал громче, чем она хотела. Каэль замолчал. Мира провела ладонями по лицу. Она не хотела ссориться с ним. Среди всех людей здесь именно Каэль сумел вернуть ей ощущение, что её жизнь ещё принадлежит ей самой. Он защищал её, когда остальные видели в ней угрозу. Он не требовал благодарности и не задавал вопросов, на которые она не была готова отвечать. Но он не мог принять одного: иногда для того, чтобы изменить систему, нужно войти внутрь неё.

— Они не нашли никого, похожего на меня, — сказала Мира тише. — Я им всё ещё нужна. Пока перенос сознания не станет доступен без ограничений, они не смогут отказаться от моих способностей.

— Ты не знаешь, что им нужно теперь.

— Не знаю. Поэтому мне надо выяснить.

— А если тебя снова запрут?

— Тогда я буду знать, что попыталась.

— А если они чипируют тебя?

Мира посмотрела на него.

— Я согласна.

Каэль вскочил так резко, что его ботинок ударил по пустой миске.

— Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Да.

— Чип не просто отслеживает местоположение. Он может отключить мышцы. Прервать движение. Сделать тебя беспомощной в любую секунду. Ты сама рассказывала, что видела, как это работает!

— Знаю.

— Тогда зачем?

Мира долго смотрела на него.

— Потому что я больше не хочу только выживать, Каэль. Я хочу что-то изменить.

Она сказала это спокойно, но внутри неё словно открылась дверь, которую она пыталась удерживать закрытой с того самого дня, когда сбежала из лаборатории. За этой дверью находился Арсен. Его голос. Его руки, когда он осторожно поправлял датчики на её висках. Его усталое лицо после бессонных ночей. И та часть прошлого, которую она не могла ни оправдать, ни окончательно возненавидеть. Она не знала, сможет ли когда-нибудь простить его, но знала, что не перестала любить.

И если Нейрон всё ещё нуждался в ней, у неё появился шанс узнать, что произошло с Арсеном, и, возможно, вернуть ему возможность работать над проектом, который мог изменить судьбу всех людей.

— Я должна передать им условия, — сказала Мира. — Лично Вик или Элиане Вейс.

Каэль молчал.

— Мне нужно вернуться в Нейрон, — продолжила она. — Но не в качестве подопытной. Я хочу учиться, работать над переносом сознания и иметь право принимать решения. Они могут установить чип. Но я хочу, чтобы Арсена вернули в лабораторию.

— А если они согласятся на всё, кроме последнего?

Мира почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

— Тогда мне придётся выбирать.

— Между свободой и Арсеном?

Она не ответила.

Каэль сел напротив неё.

— Ты понимаешь, что это может быть ловушкой?

— Да.

— Ты понимаешь, что можешь больше не вернуться?

— Да.

— И всё равно пойдёшь?

Мира подняла глаза.

— Да.

Каэль долго смотрел на неё. Затем медленно выдохнул и потянулся за недоеденной миской.

— Тогда нам понадобится робот.

Мира удивлённо моргнула.

— Что?

— Не обычный патрульный. Нам нужен тот, который собирает биологические данные и передаёт их непосредственно в центральную систему. Если мы сможем изменить его протокол связи, он доставит сообщение сам.

— А если нас обнаружат?

Каэль усмехнулся без веселья.

— Нас обнаружат в любом случае. Вопрос только в том, успеем ли мы сделать что-нибудь полезное до этого.

Впервые за долгое время Мира почувствовала не надежду даже, а нечто более опасное. Возможность. И она уже знала, что не откажется от неё.

Глава 2. Охота на машину

Робот появился на третьей сутки. Он двигался по старой железнодорожной насыпи, останавливаясь через каждые несколько десятков метров. Его корпус был покрыт серыми защитными пластинами, а вместо человеческой головы над плечевым блоком располагалась вращающаяся сенсорная платформа. Две руки заканчивались универсальными манипуляторами. На спине находился модуль связи, защищённый керамической оболочкой.

Робот не был предназначен для боя. Его задачей было искать жизнь. Он сканировал почву, воду, растительность и любые биологические следы, которые могли принадлежать незарегистрированным организмам. При обнаружении человека машина должна была установить его личность, запросить статус в системе и передать координаты ближайшему подразделению зачистки.

Если человек соглашался на регистрацию, его сопровождали в пункт чипирования. Если отказывался, прибывала вооружённая группа. Впрочем, последнее время разница между согласием и отказом становилась всё менее существенной.

— Он уже третий раз проходит по одному маршруту, — прошептал Александр, глядя в оптический прицел. — Каждые сорок минут делает остановку возле насыпи. Сканирует почву, потом разворачивается на север.

— Сколько времени нам понадобится, чтобы вывести его из строя? — спросил Роб.

— Если не повредим модуль связи — минут десять. Если повредим, можем забыть о передаче сообщения.

Роб тихо выругался.

— Значит, нам нужно схватить его целым.

— Именно.

— А почему нельзя просто украсть передатчик со свалки?

Александр посмотрел на него так, словно Роб предложил разобрать работающий двигатель, не выключая его.

— Потому что передатчик со свалки не знает, как авторизоваться в сети Нейрона. Нам нужен действующий идентификатор машины. Без него сообщение отправится в карантинный буфер, где его проверят раньше, чем прочитают.

— Ты мог сказать это вчера.

— Вчера ты был занят тем, что доказывал мне, будто роботов можно обмануть с помощью зеркал.

— Я не говорил, что можно обмануть всех роботов.

— Ты говорил, что идея рабочая.

— Она могла сработать.

— Конечно.

Мира едва заметно улыбнулась. Они находились в полуразрушенном здании насосной станции. Через выбитые окна была видна железнодорожная насыпь, за которой начинался редкий лес. Неподальку стоял старый вагон, наполовину ушедший в землю. Роб расположился у окна с самодельным оружием. Его широкие плечи почти полностью закрывали проём. Александр проверял небольшую электронную плату, соединённую с батареей и катушкой индуктивности.

Каэль стоял возле двери. Он не вмешивался в технические приготовления, но именно он придумал, как заставить робота свернуть с маршрута.

— Когда он приблизится, — тихо сказал Каэль, — Роб создаст шум на насыпи. Машина направится к источнику звука. Александр активирует импульсный блок, когда сенсоры окажутся в пределах действия. После этого я перехвачу управление манипуляторами.

— А если импульс не сработает? — спросила Мира.

— Тогда Роб будет вынужден стрелять.

— Я не хочу, чтобы он стрелял.

Роб повернул к ней голову.

— А я не хочу, чтобы эта штука отправила координаты нашего дома.

— Он не должен пострадать.

— Это машина.

— Это машина, которая может привести сюда вооружённых людей. Но она не виновата в том, что её создали для охоты.

Роб несколько секунд смотрел на неё, потом отвернулся.

— Иногда я думаю, что ты слишком долго пробыла в лаборатории.

Мира ничего не ответила. Возможно, он был прав. Но именно в лаборатории она поняла, насколько легко превратить любое живое существо в средство достижения цели. Сначала меняется название. Потом исчезает необходимость объяснять свои действия. И однажды уже никто не замечает, что объект исследования способен чувствовать боль.

Она не хотела повторять этот путь. Даже теперь, когда её собственная жизнь зависела от успеха операции. Робот приблизился к насыпи.

— Двадцать метров, — сообщил Александр.

Роб поднял оружие и выстрелил в металлическую балку. Грохот разнёсся по округе. Машина мгновенно развернулась. Сенсорная платформа повернулась к зданию. Робот сделал несколько шагов в сторону насосной станции, остановился, просканировал окна и продолжил движение.

— Он нас видит? — прошептала Мира.

— Пока не уверен, — ответил Александр.

Робот поднял руку. Из его манипулятора выдвинулся тонкий сканирующий модуль.

— Сейчас! — крикнул Александр.

Импульсный блок сработал с резким треском. На корпусе машины вспыхнули индикаторы. Робот дёрнулся, сделал шаг в сторону и рухнул на колено. Его руки продолжали двигаться, пытаясь восстановить равновесие. Каэль бросился вперёд.

— Не приближайся! — крикнула Мира.

Но он уже был рядом. Робот резко развернул манипулятор. Каэль успел уклониться, однако металлическая рука задела его плечо. Он отлетел к стене и ударился спиной. Роб выскочил из укрытия. Он мог выстрелить. Вместо этого он ударил робота самодельным электромагнитным устройством по боковому сенсорному блоку. Машина замерла. Александр подбежал к ней и подключил кабель.

— У нас меньше двух минут, пока не восстановится резервное управление.

— Каэль! — Мира опустилась рядом с ним.

— Всё нормально, — процедил он, морщась от боли. — Плечо. Не сломано.

— Ты уверен?

— Мира, если ты сейчас начнёшь меня осматривать, я действительно могу умереть от скуки.

Она помогла ему подняться. Тем временем Александр уже вскрыл панель связи. Роб сидел рядом, держа оружие наготове.

— Есть доступ к передаче, — произнёс Александр. — Но авторизация действует только до перезагрузки.

— Пиши, — сказал Каэль.

Мира подошла к ним. Она заранее подготовила текст, но теперь, глядя на открытый интерфейс, вдруг поняла, что слова могут оказаться важнее, чем ей хотелось бы. Одно неверное выражение — и Нейрон решит, что перед ним очередная попытка проникновения. Слишком много требований — и система откажется разговаривать. Слишком мало — и её снова превратят в пленницу.

— Записывай, — сказала она.

Александр открыл окно передачи. Мира произнесла медленно, отчётливо, словно разговаривала с человеком, который находился по ту сторону огромного стекла.

— «Адресат: Элиана Вейс. Копия: Вик. Идентификатор объекта: Мира. Я жива. Я располагаю информацией, необходимой для продолжения проекта переноса сознания. Готова добровольно вернуться в исследовательский центр и сотрудничать с Нейроном. Условия: официальный статус сотрудника, доступ к образованию, отсутствие принудительных экспериментов и право участвовать в разработке протоколов переноса сознания. Согласна на установку идентификационного чипа при условии, что Арсен Миронов будет восстановлен в должности нейробиолога. Я не требую немедленного контакта с ним. Место встречи и время будут переданы после подтверждения условий. Ответ направить через тот же канал».

Александр остановился.

— Ты действительно не хочешь сразу увидеть Арсена?

Мира отвела взгляд.

— Хочу.

— Тогда почему не требуешь этого?

— Потому что не знаю, хочет ли он видеть меня.

Роб фыркнул.

— После всего, что он сделал?

— Именно поэтому.

Она посмотрела на робота.

— Я не знаю, простил ли он себя. И не знаю, смогу ли простить его я. Но если я потребую встречи сейчас, Нейрон сможет использовать его против меня.

Каэль подошёл ближе.

— Передавай.

Александр нажал подтверждение. На несколько секунд ничего не произошло. Затем индикатор на передатчике сменил цвет.

СООБЩЕНИЕ ПРИНЯТО.

Мира почувствовала, как сердце ударило о рёбра. Где-то там, за куполом, за сотнями километров контролируемых территорий, существовала система, которая когда-то решила, что имеет право распоряжаться её жизнью. Теперь эта система знала, что она жива. И что она собирается вернуться. Робот внезапно зашевелился.

— Назад! — крикнул Александр.

Но машина не поднялась. Её сенсорная платформа повернулась к Мире. В динамике раздался голос, лишённый эмоций:

— Биологический объект идентифицирован. Мира. Вероятность совпадения — девяносто девять целых девять десятых процента.

Мира замерла.

— Запрос на передачу дополнительной информации, — продолжил робот. — Уточните статус объекта.

Каэль схватил её за руку.

— Уходим. Сейчас.

Они выбежали из насосной станции, оставив машину лежать на бетонном полу.

Но уже через несколько минут, когда группа скрылась среди деревьев, Александр остановился и посмотрел на планшет.

— Плохо.

— Что? — спросил Роб.

— Передатчик успел отправить не только сообщение. Он отправил координаты последнего места сканирования.

— Насколько точные?

Александр молчал. И этого оказалось достаточно. В Нейроне сообщение появилось на экране в 03:17. Элиана Вейс не спала. Она находилась в своём кабинете на нижнем уровне научного центра, изучая результаты последнего моделирования переноса памяти. Уведомление поступило на отдельный терминал, предназначенный для обработки нестандартных биологических сигналов. Она открыла файл. Прочитала первый абзац. Затем второй. На имени Миры её пальцы замерли над клавиатурой. Элиана перечитала сообщение целиком.

— Невероятно, — произнесла она.

В дверях появился Вик.

— Что случилось?

Элиана не ответила. Она развернула экран.

Вик прочитала текст и медленно выпрямилась.

— Она хочет вернуться?

— Судя по сообщению.

— Это ловушка.

— Возможно.

— Она знает слишком много. Она могла установить контакт с повстанцами, получить доступ к их оборудованию и использовать нас для проникновения в систему.

— Или она действительно хочет продолжить проект.

Вик резко повернулась к ней.

— После побега? После того, что произошло с Арсеном? Вы предлагаете снова впустить её в лабораторию?

— Я предлагаю рассмотреть её условия.

— Она не имеет права ставить условия.

Элиана посмотрела на неё.

— Право не имеет значения, Вик. Значение имеет то, насколько она нам необходима.

Вик замолчала. Элиана открыла архив экспериментальных данных. Несколько месяцев назад Мира продемонстрировала особенности нейронной активности, которые не удалось воспроизвести ни у одного другого испытуемого.

Её сознание обладало необычной способностью сохранять сложные связи памяти даже при внешнем вмешательстве. Первоначально исследователи объясняли это редким сочетанием генетических факторов, однако позднее стало ясно, что речь может идти о гораздо более сложном механизме.

Мира не просто запоминала информацию. Она связывала её с личным опытом так, что восстановление воспоминаний не разрушало эмоциональную структуру личности. Для проекта переноса сознания это могло оказаться решающим.

— Мы не можем позволить себе потерять её, — сказала Элиана.

— Тогда установите местоположение и отправьте группу.

— Нет. Она должна прийти добровольно.

Вик усмехнулась.

— Вы верите в добровольность?

— Я верю в расчёт. Если Мира хочет вернуться, мы можем использовать это. Если она хочет обмануть нас, мы выясним это до того, как она получит доступ к критическим системам.

— А Арсен?

Элиана закрыла архив.

— Восстановим его.

Вик посмотрела на неё так, словно не расслышала.

— Вы хотите вернуть Миронову лабораторию?

— Нам не хватает специалистов.

— Он нарушил протоколы.

— И всё же он один из лучших нейробиологов, которых мы сохранили.

Вик подошла к терминалу и открыла список сотрудников.

— Если Мира вернётся, я хочу, чтобы все упоминания о ней были закрыты от Арсена.

Он не должен знать, что она здесь.

— Согласна.

— И они не должны встречаться.

Элиана некоторое время молчала. Затем поставила электронную подпись под предварительным разрешением.

— Подготовьте ответ. Мы принимаем её условия. Чипирование обязательно. После возвращения Мира будет зачислена в программу обучения и получит статус младшего научного сотрудника. Арсен Миронов будет восстановлен в должности.

Вик кивнула.

— А если она откажется от чипа?

— Тогда соглашение будет расторгнуто.

— А если она попытается бежать?

Элиана подняла глаза.

— Тогда Нейрон больше не будет вести с ней переговоры.

Она не произнесла вслух то, о чём думали обе. В следующий раз Мира могла не получить возможности вернуться. Ответ пришёл через девять часов. Мира читала его на экране старого терминала, подключённого к передатчику. Рядом стояли Каэль, Александр и Роб.

УСЛОВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПРИНЯТЫ.

Встреча назначалась на двадцать первое число, в 21:00, у старого транспортного узла на восточной границе купола. Мира должна была прибыть одна. Нейрон гарантировал безопасное сопровождение до научного центра, присвоение статуса сотрудника и восстановление Арсена Миронова в должности нейробиолога. Отдельной строкой было указано обязательное условие: имплантация идентификационного чипа. Мира перечитала сообщение.

— Это конец, — сказал Роб.

— Нет, — ответила она. — Это начало.

Каэль стоял чуть поодаль, глядя на экран.

— Я поеду с тобой.

— Они запретили сопровождение.

— Мне плевать.

— А мне нет. Если они увидят тебя, соглашение может сорваться.

— И что? Ты собираешься довериться им?

Мира медленно выключила терминал.

— Нет. Я собираюсь довериться себе.

Каэль посмотрел на неё с выражением, которое она уже научилась узнавать. Он боялся. Не за себя. За неё.

— Если что-то пойдёт не так, — сказал он, — я приду за тобой.

Мира коснулась его руки.

— Знаю.

Роб отвернулся. Александр ничего не сказал. В ту ночь Мира долго не могла заснуть. Она представляла, как снова окажется внутри купола. Как пройдёт через ворота, увидит белые коридоры и почувствует запах стерильного воздуха. Как холодный металл коснётся кожи на шее, когда ей установят чип. И как где-то в том же здании будет Арсен. Живой. Возможно, ненавидящий её. Возможно, всё ещё помнящий. Она не знала, что окажется больнее. Но впервые за долгое время у неё появился ответ на вопрос, который мучил её с момента побега. Что делать дальше? Вернуться. И попытаться изменить Нейрон изнутри. Даже если ради этого ей придётся снова стать частью системы, которую она ненавидела.

Глава 3. Соглашение

В назначенное время Мира стояла у старого транспортного узла. Небо над куполом было тёмным. На востоке мерцали сигнальные огни охранных вышек, а за защитным покрытием начиналась территория, которую Нейрон постепенно превращал в пустую зону. Она пришла одна. На ней были тёмные брюки, старая куртка и высокие ботинки. В кармане лежал небольшой металлический диск с зашифрованными данными. Всё остальное она оставила в тоннеле.

В 21:00 на дороге появились огни.

К узлу подъехали два транспортных автомобиля без опознавательных знаков. Из первого вышли четверо людей в белых защитных костюмах. У каждого было оружие. На шлемах мерцали датчики распознавания.

Один из них приблизился к Мире.

— Идентификация.

— Мира.

— Фамилия?

Она на секунду замолчала.

До этого момента у неё не было необходимости выбирать фамилию. Среди повстанцев её называли просто Мирой. В официальных документах Нейрона она существовала под номером объекта. Но если она собиралась вернуться, ей требовалось нечто большее, чем имя. Фамилия должна была стать её новым началом. Она вспомнила Анну Рейнер — сознание матери, чья история когда-то переплелась с её собственной. Анна знала, что память не делает человека пленником прошлого, если он способен сам решить, что сохранить.

— Рейнер, — произнесла Мира.

Сканер на шлеме мигнул.

— Идентификатор подтверждён. Мира Рейнер. Следуйте за сопровождающим.

Её провели к автомобилю. Внутри не было окон. Только два ряда сидений, закреплённые ремнями, и панель управления, на которой отображался маршрут. Когда двери закрылись, Мира услышала негромкий щелчок. На её запястье сомкнулся фиксатор.

— Это необходимо? — спросила она.

— Стандартная процедура транспортировки нестабильных биологических объектов.

Мира посмотрела на человека напротив.

— Я не объект.

Он не ответил. Автомобиль тронулся. Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем машина остановилась. Когда двери открылись, перед ней возвышалось здание Нейрона. Огромный комплекс, окружённый высокими стенами и защитными башнями. Внешние панели отражали холодный свет прожекторов. На центральной башне светился знак научного центра — геометрическая фигура, напоминающая человеческий мозг, заключённый в идеальную сферу. Мира смотрела на него и чувствовала, как возвращаются воспоминания. Капсула. Датчики. Голос системы. Ощущение беспомощности, когда тело перестаёт принадлежать тебе.

— Выходите, — приказал сопровождающий.

Она сделала шаг на бетонную площадку. Ворота закрылись за её спиной. И впервые после побега Мира поняла, что обратного пути может не быть. Чипирование проводили в медицинском блоке на третьем уровне. Мира лежала на специальном кресле, пока робот-хирург сканировал её позвоночник. На экране отображалась схема нервных окончаний в области шеи.

— Имплант устанавливается в верхней части шейного отдела, — сообщил синтетический голос. — Устройство обеспечивает идентификацию, отслеживание местоположения, контроль физиологических показателей и ограничение двигательной активности при нарушении протокола безопасности.

— Я знаю.

— Подтвердите согласие.

Мира закрыла глаза. Она могла отказаться. Теоретически. Но тогда её снова объявили бы неучтённой, а условия соглашения потеряли бы силу.

— Согласна.

Кожа онемела после инъекции анестетика. Мира почувствовала давление, затем короткую вспышку боли, которую не смогла полностью подавить. Робот работал быстро. Несколько минут — и имплант занял своё место под кожей.

— Процедура завершена. Идентификатор сотрудника присвоен. Номер чипа зарегистрирован.

На экране появилась запись:

МИРА РЕЙНЕР.

Ниже — статус.

СОТРУДНИК НАУЧНОГО ЦЕНТРА.

Мира медленно села.

— Когда я смогу приступить к работе?

— После вводного инструктажа и проверки доступа.

— А Арсен Миронов?

На несколько секунд в помещении воцарилась тишина.

— Арсен Миронов восстановлен в должности нейробиолога. Прямой контакт между вами запрещён.

Мира почувствовала, будто её ударили. Она знала об этом условии. Сама согласилась не требовать встречи. Но одно дело — произнести слова в заброшенном тоннеле, другое — услышать их в стерильной комнате, где только что вживили в её тело устройство контроля.

— На какой срок?

— Ограничение действует до отдельного распоряжения администрации.

— Кто будет принимать решение?

— Руководитель подразделения и центральная система.

Мира опустила ноги на пол.

— Значит, я могу работать над переносом сознания, но не могу поговорить с человеком, ради которого согласилась вернуться?

— Ваше согласие на возвращение оформлено в соответствии с установленным протоколом.

Она горько усмехнулась. Система никогда не отвечала на вопросы, которые ей не нравились. Она лишь повторяла правила, пока человеку не становилось стыдно за то, что он вообще пытался их оспорить.

Мира встала.

— Хорошо.

Робот-хирург указал на дверь.

— Следуйте в административный сектор.

Мира вышла в коридор. Впервые за много месяцев она снова находилась внутри Нейрона. И теперь у неё был пропуск.

Глава 4. Человек с новым именем

Первое, что Мира поняла о своей новой жизни, — в Нейроне ничто не принадлежало человеку полностью, даже время.

Её разбудил сигнал на терминале ровно в шесть утра. Через минуту над дверью загорелся зелёный индикатор, разрешающий выход. В комнате не было окон, а освещение автоматически меняло яркость в зависимости от расписания. На стене находился экран с программой дня, списком обязательных процедур и уведомлениями о состоянии здоровья. Мира села на кровати и осторожно коснулась шеи. Под пальцами ощущался небольшой плотный участок кожи. Имплант не болел, но мысль о том, что теперь кто-то может остановить её одним нажатием кнопки, вызывала почти физическое отвращение.

Она подошла к зеркалу. В отражении была та же девушка, что и год назад. Те же черты лица, та же короткая стрижка, тот же внимательный взгляд. Только теперь на её запястье находился тонкий идентификационный браслет с номером сотрудника - Мира Рейнер. Она произнесла новое имя вслух.

— Мира Рейнер.

Имя прозвучало непривычно, будто принадлежало кому-то другому.

Она выбрала фамилию не случайно. Рейнер напоминала ей об Анне — о сознании, которое продолжало существовать в сети, несмотря на смерть своего первоначального носителя. Анна когда-то показала ей, что память может пережить тело, но сохранение памяти ещё не означает сохранения личности. Если однажды человек получит чужие воспоминания, останется ли он самим собой? Или станет кем-то третьим? Именно на этот вопрос Мира хотела найти ответ. Только теперь она собиралась искать его не из-за прозрачной стенки экспериментальной капсулы. Она собиралась работать. На экране появилось сообщение:

СОТРУДНИК МИРА РЕЙНЕР.

ПРОЙДИТЕ ВВОДНЫЙ ИНСТРУКТАЖ.

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ МАРШРУТА ФИКСИРУЕТСЯ.

— Доброе утро, — произнесла Мира, глядя на экран. — Как приятно снова оказаться дома.

Система не ответила. Она почти обрадовалась. В столовой было многолюдно. Люди сидели за одинаковыми столами, ели из одинаковых тарелок и почти не разговаривали. На стене транслировались показатели производительности научного центра: количество завершённых исследований, процент успешных экспериментов, объём сохранённых данных.

В нижней части экрана медленно двигалась строка:

СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ — ПРИОРИТЕТ № 1.

Мира взяла поднос и заняла свободное место в дальнем углу. Рядом сидели двое молодых сотрудников. Один что-то рассказывал о новом алгоритме распределения вычислительных мощностей. Второй слушал, не отрываясь от еды.

— Ты слышал, что нам добавили обязательное сканирование памяти перед сном? — спросил первый.

— Не памяти. Нейронной активности.

— Какая разница?

— Большая. Сканирование памяти потребовало бы доступа к содержимому воспоминаний.

Первый усмехнулся.

— А ты уверен, что у них его нет?

Оба замолчали. Мира продолжила есть, стараясь не показывать, что слышит разговор. Она давно научилась распознавать момент, когда люди боятся собственных слов. В диких поселениях страх выражался криками, угрозами и оружием. Здесь он был гораздо тише. Он прятался в паузах, взглядах на потолочные камеры и привычке говорить только то, что можно было повторить перед руководителем.

— Мира Рейнер?

Она подняла голову. Перед ней стояла женщина в белой форме с тонким планшетом в руках - Вик. За прошедший год она почти не изменилась. Тёмные волосы были собраны на затылке, лицо оставалось непроницаемым. На груди поблёскивал знак научного центра.

— За мной, — сказала Вик.

Мира поставила поднос на стол.

— Я ещё не закончила завтрак.

— Это не просьба.

— Тогда зачем вы задаёте вопросы?

Вик посмотрела на неё холодно.

— Ваша способность спорить с администрацией не входит в перечень научных компетенций.

— А ваша способность начинать разговор с угрозы входит?

На соседних столах стало тише. Вик наклонилась к Мире.

— Вы вернулись сюда добровольно. Не заставляйте меня напоминать, чем закончится ваше пребывание в случае нарушения соглашения.

Мира поднялась.

— Я помню соглашение.

— Хорошо. Тогда идёмте.

Они направились к выходу. По дороге Вик ни разу не посмотрела на неё, но Мира заметила, как женщина несколько раз проверила данные на планшете.

Её беспокоило возвращение Миры. И это означало, что Мира всё ещё имела значение. Вопрос заключался только в том, насколько большое. Вводный инструктаж проходил в аудитории на седьмом этаже. На стене отображалась схема научного центра. Нижние уровни занимали энергетические системы, технические мастерские и хранилища оборудования. Средние — лаборатории, медицинские блоки и вычислительные комплексы. Верхние этажи были отведены под исследовательские подразделения, архивы и административные помещения.

Мире выделили рабочее место в секторе нейрокогнитивного моделирования.

— Первые три месяца вы будете работать с автоматизированными исследовательскими системами, — объяснила Вик. — Доступ к закрытым архивам предоставляется только после подтверждения квалификации. Вы не имеете права самостоятельно изменять параметры экспериментов, взаимодействовать с центральным ядром или обращаться к сотрудникам с запросами, не связанными с вашей работой.

— А обучение?

— Будет проходить по утверждённому расписанию.

— Я могу выбирать дисциплины?

— В пределах доступной программы.

— А специализацию?

— После промежуточной оценки.

Мира кивнула.

— То есть у меня есть право учиться, если я изучаю то, что вы разрешили.

— Именно.

— И вы называете это образованием?

Вик остановилась.

— Ваша проблема, Мира, заключается в том, что вы постоянно путаете свободу с отсутствием ограничений.

— А ваша — в том, что вы путаете ограничения с безопасностью.

На этот раз Вик не ответила сразу.

— Вы очень быстро забываете, что находитесь здесь благодаря решению администрации.

— Нет. Я помню это каждую минуту.

И это была правда. Мира помнила металлический фиксатор на запястье, холодную операционную, боль в шее и слова робота о том, что теперь её движения могут быть ограничены дистанционно. Она помнила, что согласилась на всё это сама, но согласие не означало благодарности. И не означало, что она перестала сопротивляться. Вик открыла дверь лаборатории.

— Ваше рабочее место находится в третьем секторе. Сегодня вы будете изучать протоколы переноса декларативной памяти. Не пытайтесь получить доступ к материалам, которые вам не назначены.

Мира вошла. За стеклянными перегородками работали роботы-исследователи. Их манипуляторы двигались с безупречной точностью, а на экранах сменялись графики нейронных связей и трёхмерные модели человеческого мозга. В одном из отсеков находилась пустая экспериментальная капсула. Мира остановилась. На секунду ей показалось, что она снова видит собственное отражение в прозрачной стенке.

— Не отвлекайтесь, — сказала Вик.

Мира заставила себя отвернуться.

— Я готова.

И впервые за долгое время произнесла эти слова без притворства.

Глава 5. Возвращение Арсена

Арсен Миронов узнал о своём восстановлении в должности в конце рабочей смены.

Он возвращался из аграрного сектора, когда его персональный терминал издал короткий сигнал. Обычно система присылала уведомления о производственной норме, медицинских проверках и изменениях графика. Поэтому он сначала даже не стал смотреть на экран.

Но сигнал повторился.

АРСЕН МИРОНОВ.

СТАТУС: НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ: НЕЙРОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

РУКОВОДИТЕЛЬ: ЭЛИАНА ВЕЙС.

Арсен остановился посреди коридора. Прочитал сообщение, потом ещё раз. Он не сразу понял, что произошло. За последний год он привык к мысли, что лаборатория осталась в прошлом. Поначалу он пытался обжаловать решение об отстранении, отправлял запросы, составлял объяснительные, доказывал, что его знания могут быть полезны системе. Все обращения возвращались с одинаковой формулировкой: «Оснований для пересмотра статуса не обнаружено».

Постепенно он перестал писать. Теперь Нейрон сам приглашал его обратно. Арсен прислонился к стене. Внутри поднялось странное чувство — не радость, а настороженность. Слишком многое изменилось за последний год, чтобы он поверил в случайное проявление милосердия. Система не возвращала людей на прежние должности из доброты. Она возвращала их, когда они снова становились нужны.

Арсен открыл полное уведомление. Ему предоставлялся доступ к лабораторному сектору, служебное жильё и стандартный пакет научного сотрудника. Дата начала работы — следующее утро. Никаких объяснений. Никаких извинений. Никакого упоминания о прежних исследованиях. Он набрал запрос в центральную систему:

- Причина восстановления статуса?

Ответ появился мгновенно.

Перераспределение кадровых ресурсов.

Арсен невольно усмехнулся.

— Конечно.

Он закрыл сообщение и посмотрел на свои руки. За год они стали грубее. На ладонях остались небольшие шрамы от инструментов, которыми он работал в аграрном комплексе. Иногда по ночам ему снились лаборатории, но теперь он просыпался не с желанием вернуться туда, а с чувством, что потерял нечто, что уже невозможно восстановить.

Ему казалось, что вместе с работой он потерял и ту часть себя, которая когда-то верила в науку как в способ сделать жизнь лучше. Однако сейчас, глядя на сообщение, он понял, что ещё не готов отказаться от этой веры. Он хотел вернуться. Хотел узнать, что стало с проектом переноса сознания. Хотел понять, почему его знания снова понадобились системе. И, прежде всего, хотел найти Миру. За последний год он не переставал искать её. Официальные базы не содержали сведений о её смерти. В списках задержанных она не значилась. Среди зарегистрированных жителей купола её имени тоже не было.

Но и за пределами системы найти её не удавалось. Он спрашивал осторожно, через знакомых сотрудников, пытался получить доступ к старым архивам, изучал сообщения о зачистках диких территорий. Несколько раз ему казалось, что он нашёл след, но каждый раз информация оказывалась неполной или устаревшей. Постепенно страх стал привычным. Арсен боялся, что Мира погибла. И ещё больше боялся, что однажды узнает об этом наверняка. Он убрал терминал в карман. Завтра он вернётся в Нейрон. Но если система решила вернуть его, значит, что-то изменилось. И он собирался выяснить что именно. Элиана Вейс встретила его в кабинете на девятом этаже. Она выглядела так же, как прежде: безупречная форма, собранные волосы, спокойное лицо человека, привыкшего контролировать ситуацию.

— Арсен. Проходите.

Он сел напротив неё.

— Я получил уведомление о восстановлении.

— Хорошо.

— Хотелось бы узнать причину.

Элиана сложила руки на столе.

— Нейрон испытывает нехватку квалифицированных специалистов. Несколько исследовательских групп были расформированы, часть сотрудников переведена на техническое обслуживание, некоторые не прошли новую аттестацию. Ваш опыт по нейрокогнитивному моделированию остаётся востребованным.

— Значит, меня вернули из-за нехватки кадров?

— Именно.

— И прежние ограничения сняты?

— Частично.

Арсен посмотрел на неё.

— Что это значит?

— Вы получите доступ к текущим исследованиям в рамках своей квалификации. Архивы старых экспериментов останутся закрытыми до отдельного распоряжения. Самостоятельно инициировать исследования вы не сможете.

— А проект переноса сознания?

Элиана на мгновение задержала взгляд на его лице.

— Продолжается.

— На каком этапе?

— Рабочие протоколы переноса памяти успешно проходят проверку. Сейчас мы занимаемся совершенствованием алгоритмов и подготовкой аппаратной части.

Арсен почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось.

Именно ради этого он когда-то остался в лаборатории, даже когда понял, что исследования вышли за пределы допустимого. Он убеждал себя, что сможет контролировать процесс, исправить ошибки, не допустить катастрофы.

Но всё пошло иначе.

— Кто руководит разработкой? — спросил он.

— Я.

— А Вик?

— Продолжает работу в секторе контроля качества и безопасности.

Арсен кивнул.

Он хотел задать ещё один вопрос, но понимал, что прямой разговор о Мире может немедленно привлечь внимание системы.

Поэтому он спросил иначе:

— Что произошло с объектами прежних экспериментов?

Элиана не изменилась в лице.

— Данные по конкретным испытуемым относятся к закрытой информации.

— Я не спрашиваю о данных. Я спрашиваю о людях.

— В Нейроне все биологические субъекты проходят регистрацию в соответствии с действующими протоколами.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Арсен замолчал.

Он знал этот тон. Элиана не просто отказывалась говорить. Она предупреждала, что разговор зашёл слишком далеко.

— Когда я могу приступить?

— Завтра в семь тридцать. Вам предоставят новое рабочее место. Все необходимые инструкции будут загружены в персональный терминал.

Арсен поднялся.

— Спасибо.

— Арсен.

Он остановился у двери.

— Я понимаю, что прошлый год был для вас непростым. Но теперь у вас есть возможность вернуться к работе. Не усложняйте себе жизнь попытками пересмотреть уже принятые решения.

Арсен посмотрел на неё.

— Вы говорите о работе или о Мире?

В кабинете стало тихо. Элиана не ответила. И этого было достаточно. Арсен вышел, окончательно убедившись, что его возвращение связано не только с кадровым дефицитом. Вопрос оставался прежним. Что Нейрон скрывал от него на этот раз?

Глава 6. Мира Рейнер

За первые две недели Мира усвоила больше, чем за несколько месяцев прежнего обучения. Она работала по двенадцать часов в сутки, изучала протоколы, проверяла модели нейронных связей и выполняла задания, которые обычно поручали сотрудникам с многолетним опытом. Иногда она задерживалась в лаборатории до тех пор, пока система не напоминала о необходимости отдыха.

Роботы не уставали. Они не раздражались, не спорили и не пытались выяснить, почему человек задаёт вопросы, на которые нет готового ответа. Для Мира это было удобнее, чем работать с людьми. Роботы не смотрели на неё с подозрением. Не вспоминали её побег. Не счи-

тали, что она обязана быть благодарной за предоставленную возможность. Они просто выдавали результаты, и результаты были впечатляющими.

На третьей неделе Мира обнаружила несоответствие в алгоритме, который отвечал за восстановление эмоциональных связей между переносимыми воспоминаниями. Программа успешно копировала фактическую информацию, но в некоторых случаях нарушала последовательность эмоциональных реакций. Человек мог помнить, что любил кого-то, но не испытывать привязанности. Мог знать, что боялся определённого события, но не чувствовать страха. Мог воспроизводить воспоминание о смерти близкого человека, воспринимая его как нейтральный эпизод. В отчётах это считалось допустимым отклонением. Мира считала иначе.

Она провела дополнительные расчёты, изменила несколько параметров модели и запустила серию симуляций. Через четыре часа на экране появилась новая последовательность данных.

СОХРАНЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ: 96,8%.

Предыдущий результат составлял семьдесят четыре процента. Мира несколько секунд смотрела на цифры. Затем открыла журнал эксперимента и подробно описала изменения. Она не знала, что в этот момент система уже начала анализировать её работу.

— Кто изменил алгоритм восстановления эмоциональных связей? — спросила Вик.

На экране перед ней отображался отчёт о результатах симуляции. Элиана стояла у окна, изучая сводку по исследовательским подразделениям.

— Мира Рейнер, — ответила она.

— Без согласования?

— Она работала в пределах доступного исследовательского модуля.

— Она изменила параметры, которые не входили в её задание.

— И улучшила результат.

Вик повернулась к ней.

— Вы понимаете, что она могла скрыть ошибку?

— Все изменения зафиксированы. Я проверила журнал.

— Она не должна получать такие результаты на начальном этапе обучения.

Элиана закрыла сводку.

— Научные способности не зависят от того, насколько нам нравится человек.

— Вы слишком доверяете ей.

— Нет, Вик. Я доверяю данным.

Вик снова посмотрела на экран.

— Я хочу ограничить её доступ к моделированию.

— Нет.

— Почему?

— Потому что она полезна.

Вик резко выдохнула.

— А если она намеренно пытается проникнуть в закрытые протоколы?

— Тогда мы это увидим.

— А если не увидим?

Элиана подошла к столу.

— Вик, вы можете не любить Миру. Можете считать её возвращение ошибкой. Но пока она демонстрирует способности, необходимые нашему проекту, она будет работать.

— А Арсен?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Элиана некоторое время молчала.

— Что Арсен?

— Он вернулся. Он снова работает в лаборатории. И рано или поздно узнает, что она здесь.

— Не узнает.

— Вы не можете скрывать это бесконечно.

— Я не собираюсь скрывать это бесконечно. Я собираюсь скрывать это до тех пор, пока их встреча не перестанет представлять угрозу проекту.

Вик покачала головой.

— Вы недооцениваете человеческие эмоции.

Элиана посмотрела на неё с едва заметной усмешкой.

— А вы переоцениваете их значение.

Ни одна из женщин не заметила, что за стеклянной перегородкой робот-уборщик остановился на несколько секунд дольше обычного. Его сенсорный модуль был направлен на экран, где отображалось имя Миры Рейнер. Затем машина продолжила движение. В центральной системе появилась новая запись:

СОТРУДНИК: МИРА РЕЙНЕР.

ПОКАЗАТЕЛИ ОБУЧЕНИЯ: ВЫШЕ ПРОГНОЗА.

НЕОБХОДИМОСТЬ НАБЛЮДЕНИЯ: ПОВЫШЕННАЯ.

Глава 7. Имя в чужом списке

Арсен обнаружил имя Миры случайно. Это произошло спустя восемь месяцев после её возвращения в Нейрон. За это время он успел восстановить профессиональные навыки, пройти повторную аттестацию и получить доступ к новым исследованиям. Он работал много, почти не общался с коллегами и старался не задавать вопросов, которые могли бы снова привести его в кабинет Элианы.

Но Миру он не переставал искать. Каждый раз, когда ему предоставляли новый массив данных, он проверял списки участников проекта. Иногда пытался найти упоминания о ней в технических журналах. Несколько раз отправлял запросы в медицинский архив, но система возвращала сообщение об отсутствии прав доступа.

Он знал, что она больше не находится среди диких людей. Знал, что после её побега проводились масштабные зачистки. Но не знал, что случилось с ней. Иногда он думал, что она погибла во время одной из операций. В такие моменты он заставлял себя работать, потому что остановиться означало признать, что надежды больше нет. В тот день он задержался в лаборатории, помогая коллеге проверить отчёт по моделированию памяти. На соседнем терминале был открыт список рассылки научного подразделения.

Арсен собирался пройти мимо, когда увидел знакомое имя. Мира Рейнер. Он остановился. Сначала ему показалось, что он ошибся. Он подошёл ближе. Имя находилось среди сотрудников, получивших уведомление о завершении очередного этапа разработки. Арсен почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Что с вами? — спросил коллега.

Он не ответил. На экране были видны фамилия, идентификатор сотрудника и дата последнего доступа к лабораторным материалам. Мира Рейнер. Активный статус. Научный центр Нейрон. Арсен перечитал строку ещё раз. Она была здесь. Жива. Все эти месяцы она находилась где-то в этом здании, ходила по тем же коридорам, работала с теми же данными, дышала тем же стерильным воздухом. И он ничего не знал. Арсен схватился за край стола.

— Это невозможно, — прошептал он.

— Что именно?

Он заставил себя выпрямиться.

— Ничего. Ошибка в списке.

Коллега пожал плечами и вернулся к работе. Арсен отошёл к стене, пытаясь восстановить дыхание. В голове возникали десятки вопросов: как она вернулась? Почему согласилась? Что с ней сделали? Знает ли она, что он снова работает в Нейроне? И главное — хотела ли она когда-нибудь увидеть его? Он открыл служебный каталог и попытался перейти к её профилю.

ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН.

Он попробовал ещё раз.

ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН.

Затем на экране появилось предупреждение:

ЗАПРОС ЗАФИКСИРОВАН.

Арсен откинулся на спинку кресла. Теперь он понял, почему его восстановили. И понял, почему Элиана ничего не рассказала. Нейрон вернул их обоих, но разделил невидимой стеной. Мира была здесь. И система не собиралась позволять ему приблизиться к ней. Арсен закрыл каталог. На этот раз он не собирался просить разрешения. Но прежде чем предпринимать что-либо, ему нужно было выяснить, что именно произошло с Мирой за тот год, когда он считал её потерянной. Он посмотрел на часы. До конца смены оставалось сорок минут. Впервые за долгое время он не мог сосредоточиться на работе. Перед глазами стояло одно имя - Мира Рейнер. И где-то на верхних этажах женщина с этим именем, возможно, тоже думала о нём. Она пока не знала, что он нашёл её, но скоро это изменится.

Глава 8. Две тысячи человек

Александр ненавидел тишину. В ней слишком хорошо слышались мысли, от которых невозможно было избавиться. Воспоминания о Каэле возвращались именно ночью, когда костёр догорал, разговоры стихали, а люди вокруг наконец засыпали.

Александр помнил его последнюю ночь. Каэль стоял у входа в тоннель и пытался объяснить, почему Мира должна сама решать, как ей жить. Роб кричал, что Нейрон убьёт её, если она вернётся. Александр молчал, потому что уже тогда понимал: Роб прав в одном, но Каэль прав в другом.

Они спорили до рассвета. А потом Каэль ушёл вслед за Мирой, чтобы проводить её до старого транспортного узла. Александр не пошёл за ними. Он считал, что поступает разумно. Он не хотел провоцировать конфликт, который мог расколоть сопротивление. Он думал, что Каэль вернётся.

Но Каэль не вернулся. Через несколько дней до тоннеля дошли слухи о перестрелке у восточной границы купола. Позже кто-то рассказал, что видел тела возле транспортного узла. Ещё позже стало известно, что Миру увезли люди в белых костюмах. О Каэле никто ничего не знал. Александр не верил в случайности. Он был уверен, что его друга убили.

И чем дольше он жил с этой мыслью, тем меньше его интересовала разница между справедливостью и местью.

— Ты опять не спишь.

Роб появился у входа в техническое помещение. В одной руке он держал металлическую кружку, в другой — небольшую коробку с деталями.

Александр не обернулся.

— Сколько?

— Две тысячи сто сорок три человека. Если считать тех, кто присоединился за последние три дня.

— Вооружённых?

— Тысяча двести. Остальные занимаются снабжением, медициной, ремонтом и разведкой. Около двухсот ещё слишком молоды, чтобы участвовать в операции.

Александр повернулся.

— Они не пойдут в первых рядах.

— Я и не собирался их туда ставить.

Роб поставил коробку на стол. Внутри лежали платы, обгоревшие провода и металлические детали от роботов разных моделей. Некоторые были покрыты следами выстрелов, другие выглядели почти новыми. За последний год сопротивление научилось делать из мусора оружие. Старые манипуляторы превращались в силовые приводы. Повреждённые сенсоры использовали для обнаружения патрулей. Из блоков питания собирали импульсные устройства, способные на короткое время нарушать работу электронных систем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.